

Куба – любовь моя. Глава одиннадцатая. Изыскатели не на высоте



В 2020 году продолжаем публиковать оставшиеся главы воспоминаний инженер-геолога Николая Афанасьевича Самуся о его работе на Кубе 1980-х годах. В этих воспоминаниях много личного, не связанного с профессией. Ведь специалистов тогда приглашали не на один месяц, с собой разрешали перевозить всю семью. Поэтому предлагаемый рассказ интересен скорее с точки зрения истории. Но и для профессионалов найдутся полезные главы, рассказывающие об особенностях работы российских инженер-геологов за рубежом.

Николай Афанасьевич Самусь
ООО «ГеоСИМ»

25 ноября исполнился год, как мы на Кубе. Половина срока (о продлении я не думал, учитывая не очень тёплые отношения с руководителем). Уже успело надоест здесь, захотелось домой. Хотя – а что дома? Все мои должности, которые я занимал (начальник отдела по подготовке и организации производства, начальник технического отдела, исполняющий обязанности зам. главного инженера), розданы трём разным специалистам. Трогать их никто не станет.

1 декабря после двухдневных усилий закончил начерно резать маску из красного дерева акана (боялся писать «первую», так как не был уверен, что стану резать ещё). Заготовку

сделал едва ли не год назад, а вырезал за 2 дня (после – подарил). Рисунок маски безобразный: смесь негритянского с монголо-китайским, резал с одной целью: проверить, будет ли получаться и потренировать руку. На работе усердие одобрили со скидкой на первую попытку. Как потом оказалось, это увлечение хорошо помогало переживать тяжёлые дни. Вскоре начал резать вторую маску из дерева седро эмбро (cedro embro – кедр душистый – это так я перевёл) – светло-серое, мягкое, очень лёгкое дерево с приятным коричневым запахом, особенно сильно ощутимым при распиловке: при нагревании, видимо, испаряются эфирные масла. Из этого дерева делают упаковки для сигар: несмотря на мягкость, его никто не ест (не «точит»). Рисунок маски взял из книги Ан. А. Громько «Маски и скульптура тропической Африки», и название взял оттуда же: «Мали, бауле».

5 декабря с утра шеф устроил очередной разнос, на мой взгляд – кем-то инспирированный. В тот же день приняли участие в праздновании кубинского Дня строителей во дворе ЭНИИ. Награждали ветеранов и победителей соревнования.



Рис. 1. Маски

11–13 декабря летали с Мартиным и Павлюком в Ольгин и Моа. До Ольгина летели на Ту-154В2, отличный самолёт. Поселились в отеле Перника (Perpica), договорились, что в 4 утра выедем на машине в Моа. Проснулись в 5, в гостинице нет электричества. В полной темноте собрались, не завтракая, отправились в путь (не менее 200 км). Дремали в машине. По дороге обогнали стадо бычков зебу: маленькие, пепельно-серые, горбатые, без рогов, с огромными вислыми ушами, издали похожие на коз (рис. 2). Дорога из Ольгина в Моа очень красивая: горы, тропический лес, обилие гигантских королевских и кокосовых пальм, сочная зелень. Очень красиво смотрится под утренним солнцем цветущий сахарный тростник: высокие редкие метёлки на фоне тёмной зелени (рис. 3). Около половины девятого были в Моа,

попили чай – и на площадку строящегося никелевого завода. Обошли её и убедились, что главные приключения впереди.



Рис. 2. Бычки зебу



Рис. 3. На фоне сахарного тростника

Будущий никелевый завод, если он будет построен, расположили на одном из холмов на юго-западной окраине городка Моа на восточном берегу острова Куба, с видом на Атлантический океан. Холм высотой около 60 м, сложенный латеритами – глинистым элювием основных пород (океаническая кора, превращённая процессами химического выветривания в глину, которая сохранила структуру и внешний вид материнской породы с полностью изменённым минеральным составом, но частично сохранившую структурные кристаллические связи), согласно проекту, был срезан наполовину, а за счёт срезанной породы площадка была расширена на высоте около 32 м, с образованием откосов крутизной около 20 градусов.



Рис. 4. Стройка никелевого завода в Моа, котлован частично с водой (я и Мартин), оползневой склон

Нас вызвали на площадку (рис. 4) в связи с проявлением оползневых деформаций на склоне с разрушением уложенных уже коммуникаций, при этом предварительно мы не были ознакомлены с проблемой. Уже по возвращении из этой командировки, в Гаване, я нашёл материалы изысканий 1979 года нашей экспедиции «Стройизыскания», когда ею здесь руководил Д.Г. Чхеидзе, отчёт писали, когда Д.Г. уехал в Москву, а вместо него оставался топограф Кузнецов (я его никогда не встречал). В техническом задании на изыскания возможность срезки и расширения площадки за счёт складирования срезанных грунтов не

упоминалась. После принятия проектного решения задание на дополнительные изыскания не было выдано, поэтому свойства насыпных грунтов не были изучены совсем.

Но и изыскатели оказались не на высоте: поскольку площадка размещалась на холме, следовало изучить длительную прочность элювия, при этом попутно были бы получены косвенные данные по прочности грунтов с нарушенной структурой. Это никак не было отражено в техническом отчёте, более того, я не нашёл в отчёте ни слова «оползень», ни слов «оползневая опасность». Мы с Мартиным увидели на площадке, что все оползневые деформации произошли на отсыпанных склонах в насыпных грунтах, чему способствовали ежедневные в этих местах дожди. Поскольку, кроме нас, сюда прилетел ещё из Гаванской ЭНИИ геолог Педро Чонг (кубинец китайского происхождения), я ему сказал, что процесс очень опасен, деформации в насыпных грунтах будут продолжаться. Ещё мы увидели подготовленный котлован под 60-метровую дымовую трубу, который в условиях ежедневных здесь тропических дождей начал заполняться водой; на мой вопрос, почему не выполняется откачка дождевых вод последовал потрясающий ответ: это не предусмотрено проектом. По возвращении в Гавану я изложил свои соображения, в том числе перечень упущений в техническом отчёте и предложения к программе дополнительных изысканий, в отчёте по командировке Г.И. Никитину, на что он спокойно ответил: этим занималась группа в Моа, пусть они и разбираются. Верное решение с позиции руководителя экспедиции, но предстояло неизбежное разбирательство, и к нему надо было готовиться.

Новый 1986 год встречали у наших земляков Раи и Аркадия Рязановых (рис. 8). В 16 встретили Новый год (по Москве), послушали кубинскую музыку с пластинок, подаренных мне Реумелем к новому году, в 23 вернулись домой. 1 января было тихое солнечное утро, пошли искупаться. Зеркальное море, прозрачная вода, ни одного португальского кораблика, видимость под водой до 20 м. Вскоре я увидел под водой лангуста (через стекло маски он увеличен в 2 раза). Пока женщины стерегли его, я сбегал домой за ружьём. Он в самом деле был красавец: длина тела 30 см, усов – около 40 см (рис. 7).

За 30–31 декабря из тоненькой пластинки вырезал масочку Кпели (догоны, Мали), 12 января вырезал брелок «негр», а 13 отшлифовал и с помощью крема для обуви довёл до зеркального блеска. 14 января начал резать видоизменённую маску «Мали бауле» из очень твёрдого пёстрого дерева – ява, тонущего в воде, всё время приходится острить стамеску, а ножом совершенно резать нельзя (уменьшил горизонтальные размеры вдвое, чтобы вписаться в размер доски). Красивое в доске, с мелкими канальцами и продольными светлыми нитями в тёмно-коричневом теле не смотрится на лице маски, обезображивает её. Может, шлифовка поможет... Дерево досталось от соседа снизу, уехавшего в Союз: получил от него в подарок едва не десяток кусков древесины разных сортов. Вхожу во вкус. Если не движется резьба – делаю перерыв, иногда режу мартышек из кокосового ореха, но мне больше нравится в итоге шлифованное дерево. Режу маски узкой – 4 мм – стамеской, которую привёз из Союза по совету В.П. Быстрова. Стамеску на оселке затачивал так, что ею можно было срезать волосы на руке. Шлифовку масок выполняю бумагой с разной крупностью зерен абразива, а доводку – очень тонкозернистой бумагой. 26 января начал (28 закончил) резать из чёрного дерева миниатюру-брелок – негритянку с высокой причёской, однако дерево настояло на своём и получилось чисто мужское лицо. Пришлось вместо высокой причёски резать женскую фигуру, соответственно надо менять и название («Негр»).



Рис 5. Миниатюры из чёрного дерева «эбано»



Рис. 6. «Марипосас» («бабочки»)

В начале января началась зимняя спартакиада советских специалистов по шахматам. Меня пригласили в команду строителей играть на третьей доске, в целом игра идёт, наша команда не плохо выступает.

Иногда наступает некоторое оцепенение и кажется, что ты здесь привык. Но не на долго. Нормальное состояние – постоянная тоска по дому. Единственная возможность бороться с этим – работа, забота, чтение, занятие шахматами, та же резьба по дереву по вечерам, и если

хоть что-то получается – радуешься, что и в этой унылой жизни есть приятные минуты удовлетворения от творчества.



Рис. 7. 1.01.1986 года на балконе с лангустом



Рис. 8. 1.01.1986 года

15 января газета «Правда» опубликовала следующую хронику: «Президиум Верховного Совета СССР назначил Капто Александра Семёновича Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Республике Куба. Президиум Верховного Совета СССР освободил Катушева Константина Федоровича от обязанностей Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Республике Куба в связи с переходом на другую работу».

Море зимой часто штормит, но вода в нём чистая, видимость под водой хорошая, что позволяет избегать контактов с медузами. 18 января над морем около Флореса бушевала гроза с вечера и за полночь, зарницы мигали через секунды, освещая огромную тучу, а в посёлке в это время бесновались местные петухи (pollo – произносится поийо) с тоненькими голосами. В море выходим изредка, и только с утра: к обеду волна поднимается почти до метра, что опасно над рифами, а пассат дует с моря, принося в это время португальские кораблики.

28 января по телевизору велась прямая трансляция запуска американского космического корабля с экипажем в 7 человек. На 75-й секунде произошёл взрыв, корабль развалился на высоте 15 км. Катапультировался и спустился на парашюте в океан спутник связи, останки членов экипажа разыскивали несколько дней на побережье Флориды и в прибрежной части Атлантического океана. Только произошёл взрыв, телекамера заскользила по лицам провожавших – родственников космонавтов, потерпевших аварию. Члена команды – учительницу – пришёл провожать весь её класс... На лицах отразился ужас, а для репортёров то была творческая удача и находка... Кому что...

В конце января Г.И. Никитин принёс уже переведённый на русский язык текст технического отчёта по инженерно-гидрологическим изысканиям по трассе нефтепровода Варадеро-Матансас, составленного кубинской специалисткой, учившейся ранее в Одесском институте, и сказал мне, чтобы я проверил качество перевода на русский язык. Я высказал удивление, ведь испанским не владею настолько, чтобы оценивать качество *перевода*, на что он ответил, что надо оценить, поймут ли написанное советские специалисты. В Волгограде я неоднократно такие отчёты читал, поскольку наш трест по европейской территории Союза выполнил изыскания не по одной тысяче километров трасс магистральных нефтепроводов, газопроводов, продуктопроводов (аммиакопроводов, ШФЛУ и пр.), гидрологи у нас были грамотные, мне, как начальнику технического отдела приходилось внимательно читать их отчёты, опыт я имел. Проверив отчёт кубинской специалистки и обсудив с переводчиком отдельные места, я понял, что она училась добросовестно, опыт работы имеет хороший, вернул отчёт с комментарием, что составлен он, судя по переводу, грамотно, а перевод корректен и понятен.

На следующий день Г.И. поехал в Матансас, а по возвращении зашёл в нашу комнату, бросил на стол скреплённую пачку бумаг и сказал: наши техники в Матансасе разбираются в переводах лучше главных специалистов из ЭНИИ... Я понял, что это в мой адрес, взял пачку – это оказался тот самый перевод, который я проверял, но весь испещрённый карандашными пометками и вставками, выполненными техником-геологом из Матансаса Иваном Сацем. С какой должности и из какого города приехал на должность техника И. Сац, я не знал. Я попросил переводчика проверить, есть ли в испанском тексте те вставки, что сделал Иван. Оказалось, что в испанском тексте этого ничего нет. Тогда я подошёл к Никитину и сказал: Геннадий Иванович, я не знаю, какую задачу вы ставили Сацу. Он предлагает безграмотно исказить весь не знакомый ему текст, написать то, чего нет в кубинском оригинале. Если Вас это устраивает – я Вас поздравляю. Для меня же техник Сац был и остаётся техником, не выше того. (Позже я узнал: «уточнения» Саца приняты не были).

31 января получили письмо от Оли, в котором она сообщила, что скоро у нас появится внук. Это стало заметным событием на фоне надоевшей текучки...